

Б. Н. Тарасов

«Венчание с Россией...» (о некоторых аспектах христианской политики Николая I)

«Могучий Самодержец, которого сегодня благочестиво поминает Русское царство, не был только олицетворением нашей внешней силы. Если бы он был только этим, то его слава не пережила бы Севастополя. Но за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости (или того, что считалось за такую необходимость), в императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания... Кроме великодушного характера и человеческого сердца в этом “железном великане”, – какое ясное и твёрдое понимание принципов христианской политики! “Мы этого не должны, именно потому, что мы – христиане”, – вот простые слова, которыми Николай I “определил” и свою и нашу эпоху, вот начальная истина, которую приходится напоминать нашему обществу!»

Приведённая характеристика Вл. Соловьёва эпохи правления Николая I непривычна для современного восприятия, привыкшего к совершенно иным оценкам. Его царствование стало излюбленной мишенью как для «либеральной», так и для «коммунистической» историографии (недаром К. Маркс и Ф. Энгельс считали русскую монархию одним из самых серьёзных препятствий на пути практического осуществления собственных теорий). Его правление принято обычно называть периодом мрачной реакции и безнадёжного застоя, когда повсюду водворялись деспотический произвол, казарменный порядок и кладбищенская тишина. Укротитель революций, жандарм Европы, тюремщик декабристов, неисправимый солдафон, «исчадие мундирного просвещения», «удав, тридцать лет душивший Россию» – таковы типичные оценки царя, свойственные означенным выше подходам. Показательно появление уже в перестроечном 1993 году сборника «Рос-

сийские государи», вышедшего в издательстве «Новости» при поддержке Российского независимого института социальных и национальных проблем. Представленная в нем статья о Николае I изобилует следующими выражениями: «Николай был по натуре своей тиран», задумавший «сделаться неограниченным властелином России»... «Бенкендорф, зверь в образе человека... безраздельно господствовал во всех отраслях правления»... «Николай довел учащуюся молодежь до последней степени унижения... уничтожил в России окончательно следы умственного движения»... «В своей собственной семье Николай был таким же деспотом, каким он был на троне»... «Как многие утверждают, он принял яд и скончался в 1855 году 2 марта. Никто не помянул его добром. Вся Россия посылала ему проклятия и в гроб».

Необходимо подчеркнуть, что авторы подобных суждений, грубо грешащих даже с чисто фактической стороны, особо претендовали на научную объективность, но всячески избегали вводить в оборот многообразные сведения и другие точки зрения, противоречащие их собственным выводам. Категорические приговоры Николаю I и огульное осуждение целого царствования заставляли всякого рода «схематиков» сокращать огромное количество фактов, дававших материал для совершенно иных, положительных умозаключений. Так, французский поэт и политический деятель А. Ламартин заявлял: «Нельзя не уважать Монарха, который ничего не требовал для себя и сражался только за принципы». Прусский король Фридрих-Вильгельм IV, с юных лет коротко знавший Николая I, также выделял после его кончины высокие качества русского царя: «Один из благороднейших людей, одно из прекраснейших явлений в истории, одно из вернейших сердец и, в то же время, один из величественных государей этого убогого мира отозван от веры к созерцанию». А. С. Пушкин, чьи отношения с императором были сложными и неоднозначными, отмечал несомненные достоинства и петровский масштаб его личности. О «благородной простоте обаятельного величия» царя говорил славянофил Ю. Ф. Самарин, хотя и встречал с его стороны довольно резкое несогласие в вопросах соотношения племенных и имперских начал во внутренней и внешней политике. По свидетельству И. С. Аксакова, «с величайшим уважением» отзывался о Николае I Ф. М. Достоевский, оказавшийся, как известно, по его воле на каторге за участие в кружке петрашевцев. «Государем-рыцарем» именовал его митрополит Анастасий (Грибановский), а К. Н. Леонтьев называл Николая I «великим легитимистом» и «идеальным самодержцем», призванным задержать «всеобщее разложение».

Казалось бы, столь высокие оценки глубоких и авторитетных писателей и мыслителей требуют соответствующего осмысления или хотя

бы минимального внимания. Однако и в широко популярных, и в сугубо научных трудах почти невозможно найти ссылки на мнения, события и факты, не укладывающиеся в общепринятые силлогизмы. Поэтому важно вспомнить те черты личности, обстоятельства правления и особенности деятельности Николая I, которые выправляют крен, созданный мировоззренческой или идеологической предвзятостью, а также помогают построению более полной и сложной картины его царствования.

В настоящей статье будут затронуты отдельные аспекты христианской политики Николая I, связанные с вопросами идейного самосознания, просвещения и воспитания (в том числе и цесаревича) после восстания декабристов.

1

Назначенное царем следствие открывало, что в основе увлеченности декабристов, которых Пушкин называл «лучшим цветом» поколения, новыми идеями и их возможным приспособлением к русской действительности, лежали благородные побуждения уничтожить «разные несправедливости и угнетения» и сблизить сословия для роста общественного благоденствия. Примеры засилия иностранцев в высшей администрации, лихоимства, нарушения судопроизводства, бесчеловечного обращения с солдатами в армии волновали возвышенные умы молодых дворян, воодушевленных патриотическим подъемом 1812 года. Вместе с тем «великие истины» свободы, равенства, чести, необходимые для блага отечества, ассоциировались в сознании декабристов с республиканскими учреждениями и европейскими социальными формами, которые они в теории механически переносили на русскую почву, стремясь «пересадить Францию в Россию». Отвлеченность и умозрительность такого перенесения заключались, главным образом, в том, что оно осуществлялось без соотнесенности с историческим прошлым и национальными традициями, веками формировавшими духовные ценности, психологический и бытовой уклад жизни. Искренние упования декабристов на форсированное изменение сложившегося строя, на правовой порядок как на панацею от всех бед вступали в объективное противоречие с их благородными намерениями, ибо в стратегической перспективе открывали дорогу развитию далеких от благородства меркантильных эгоистических отношений, возрастающей нивелировке народов и культур, снижению духовных запросов личности, диктатуре денежного мешка. Так, ведущий идеолог декабризма Н. И. Тургенев связывал «усовершенствование системы представительства народного» с усовершенствованием «системы кредитной», поскольку «век кредита наступает для всей Европы». Однако он

реально представлял скрытую порочную основу всех подобных прогрессивных новаций: «Древние достигли свободы и следственно счастья стезею Природы: чистым, природным влечением души человеческой. Новейшие народы идут к счастью грязною дорогою: выгодами эгоизма и корысти. К стыду рода человеческого, может быть, надобно признаться, что путь новейших народов вернее, да теперь другого и существовать не может – вернее и прочнее: созданное на сих неблагородных основаниях стоит, как кажется, тверже».

По своему духу, воспитанию и воспринятым традициям Николай I чуждался «общей заразы своекорыстия», путей «коммерческих народов», господства эгоцентрических страстей, отрывающих права человека от его долга и обязанностей. Из материалов следствия он также узнавал, что декабристы были крайне разобщены не только с правительством, но и с народом. Более того, их преобразовательские планы, обернувшиеся военным переворотом, таили в себе, по позднему выражению А. И. Герцена, «зародыш и умственный центр грядущей революции». Действительно, в неотчетливые планы внедрения в России представительного правления в форме то ли конституционной монархии, то ли швейцарской или американской республики активно просачивались (для успешного достижения поставленных целей) мотивы истребления царской фамилии или расчленения России. Обсуждались (хотя многими и отвергались) и практические методы, знакомые грядущим поколениям не только по роману Ф. М. Достоевского «Бесы». Так А. И. Якубович, готовый убить императора, предлагал отворить кабаки для черни, взбунтовать солдат и мужиков, напоить их водкой, а затем направить эту «смесь» на Зимний дворец и предать разграблению богатые кварталы Санкт-Петербурга. В случае же неудачи вырабатывался вариант поджога столицы и отступления к Москве для соединения с Южной ассоциацией. П. И. Пестель, не одобрявший революций снизу и размышлявший о предотвращении их последствий, вынашивал не менее радикальные и коварные планы: установить десятилетнюю диктатуру, отвлечь народ завоевательными войнами, завести 113 тысяч жандармов (в тридцать раз больше, чем при самодержавии Николая I) и таким образом продвигаться к «цивилизованному обществу».

Подобные факты из донесения следственной комиссии, нарушение офицерской присяги, попытка насильственного изменения государственного строя, преступное кровопролитие и т. п. предопределили то суровое наказание, которое в разной степени (в зависимости от тяжести доказанной вины) испытали на себе участники заговора. С точки зрения строгой законности и формальной логики, действия императора, конечно, носили последовательный характер. Однако с точки зре-

ния исторических перспектив самодержавия и высшей справедливости, только укрепляющей его внутреннюю силу, «закон» без «благодати» не решал сложных и глубоких проблем исторического развития. Участь приговоренных к виселице и осужденных на каторгу и ссылку могла быть, без всякого ущемления юриспруденции, смягчена. Тем более что для «милости к падшим» имелось достаточно оснований, прежде всего в искреннем раскаянии и даже подлинном перерождении немалого числа декабристов, о котором многие десятилетия было принято вообще не упоминать. Так, незадолго до казни К. Ф. Рылеев уведомлял Николая I: «Чем же я возблагодарю Бога за Его благодеяния, как не отречением от моих заблуждений и политических правил? Так, Государь! Отрекаюсь от них чистосердечно и торжественно...» Предсмертное же письмо к жене этого вдохновителя и руководителя Северного общества проникнуто неподдельной верой и мужественным смирением: «Бог и Государь решили участь мою. Я должен умереть и умереть смертью позорною. Да будет Святая Его Воля! Милый мой друг! Предайся и ты воле Всемогущего, и Он утешит тебя. За душу мою молись Богу: Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будет и безрассудно, и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые судьбы непостижимого? Я ни разу не возроптал во время моего заключения, и зато Дух Святой давно утешил меня... Благодарю моего Создателя, что Он меня посвятил и что я умираю во Христе. Это дивное спокойствие порукою, что Творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянию...»

А вот предсмертное письмо к брату еще одного из казненных, С. М. Муравьева-Апостола: «Любезный друг Матюша! По неоставлению меня недостойного Божеского промысла и по истинно христианскому обо мне попечению доброго и почтенного отца Петра, общего нашего духовника... страхом и верою приступил к чаше Спасения нашего, принес в жертву то, что мог: сердце истинно сокрушенное и глубоко проникнутое как своим достоинством, так и благостью неизреченного Спасителя нашего, Христа, который, так сказать, ожидал малейшего от меня желания приобщиться к нему, чтобы прибегнуть ко мне, восхитить на рамена как погибшую овцу. Радость, спокойствие, воцарившиеся в душе моей после сей благодатной минуты, дают мне сладостное упование, что жертва моя не отвергнута, и сильно убедили меня, что мы слепо шествуем, когда по каким-либо, по-видимому, благовидным причинам уклоняемся от исполнения должностей наших христианских...»

В последующем годы тюремного заключения и каторги способствовали религиозно-нравственному перелому и у других заметных

деятелей декабристского движения. В. К. Кюхельбекер утверждал, что мрачная темница стала для него источником духовного света, Г. С. Батеньков признавался, что после ареста он во всем видел «неисповедимую волю Божию», а А. И. Одоевский говорил, что «ссылка привязала его к религиозному самоотвержению». С. П. Трубецкой же воспринимал каторгу как второе крещение. Зная подобные факты и настроения и сам являясь по-настоящему верующим человеком, царь тем не менее неукоснительно следовал букве закона и долга, что вызывало глухое раздражение в обществе. «По совести нахожу, – писал П. А. Вяземский, – что казни и наказания не соразмерны преступлениям, из коих большая часть состояла только в одном умысле».

Буква мертвит – дух животворит. Это непреложное правило отражает одно из существенных противоречий николаевского царствования, в котором глубокие историософские интуиции и масштабные задачи религиозного, государственного и национального строительства не получали полного и должного воплощения из-за господства казенного формализма, сковывавшего свободный почин и творческое развитие. С учетом перечисленных выше обстоятельств осознания заговорщиками своей вины и раскаяния, неожиданная и открытая «милость к падшим» продемонстрировала бы неподдельную силу и дальновидную мудрость, сняла бы тот «зазор» между преступлением и наказанием, который порождал декабристскую мифологию, «будил» грядущие поколения западников, демократов, народников, большевиков и с преувеличенной активностью обыгрывался в перечне злоупотреблений власти.

2

Вместе с тем Николай I с пристальным вниманием отнесся к выводам следственной комиссии, вытекавшим из декабристской критики существовавших до него порядков. От старшего брата ему досталось сложное и запутанное наследие, формировавшееся прямо противоположными тенденциями. «Сначала был период либерализма и филантропии, – писал декабрист В. И. Штейнгель новому императору, – потом период мистицизма и, наконец, противных действий тому и другому». Подобные идеологические зигзаги, неожиданные колебания и постоянные противоречия объяснялись (помимо многочисленных субъективных причин) и тем, что при Александре I «старая» Россия, охваченная «новыми» веяниями европейских начал, в очередной раз оказалась на распутье, на границе двух веков и двух миров, когда подспудная, не всегда выходящая на поверхность общественной жизни борьба между самобытным развитием и подражательным заимствова-

нием часто создавала ситуацию трудного и сложного выбора между «своим» и «чужим», самодержавием и конституционализмом, эволюционными и революционными методами правления. По словам С. М. Соловьева, нужно было выдержать первый напор революционного Запада, его порывистых движений вперед и соответствующих реакций – столь же рьяных отступлений назад. Перед Александром I, подчеркивал он, стояла задача уклонения от крайностей и примирения сталкивающихся начал.

Для решения подобных задач требовались твердые убеждения и колоссальная духовная энергия, глубокое знание собственной истории и живое единство мудрой, волевой и ответственной личности монарха с жизнью всех сословий страны, понимание стратегических перспектив будущего развития человечества. Однако дух времени располагал не к таким подходам, а к мечтательным идеалам, новым веяниям материализма и атеизма, вольтерьянства и республиканизма, масонства и мистицизма. Получив царский скипетр после насильственной смерти отца, Александр I поочередно испытывал их воздействия, начав с проектов «законно-свободных учреждений» и закончив военными поселениями. Его жизнь сфокусировала весь драматизм эпохи «блестящего дилетантизма» (П. В. Анненков), «разрыхления русской души» (Н. А. Бердяев), ее безмерной восприимчивости ко всякого рода идеям и социальным движениям. Благородной душе царя не хватало характера, а его религиозным воззрениям – глубины, определенности и твердости. «Язык Спасителя», которым он, по его собственным словам, не переставал говорить с 1812 года, размывался эзотерическими верованиями, о чем писал пронизательный австрийский канцлер Меттерних: «Переходя от культа к культу, от одной религии к другой, он все расшатал, но ничего не построил. Все в нем было поверхностно, ничто не затрагивало его глубоко». Впечатлительный ум Александра I не выдерживал напора неудач в либеральных начинаниях и подступавших революционных угроз, которые естественно возникали на фоне европейских волнений, умственного брожения в русском обществе и повсеместного расстройтва во всех отраслях внутреннего управления.

Стремясь установить реальное положение дел и уяснить возможное положительное содержание в планах декабристов, Николай I поручил делопроизводителю следственной комиссии А. Д. Боровкову изложить вытекающие из рассматриваемых материалов выводы о насущных государственных нуждах. «Надобно, – отмечалось в соответствующей записке, – даровать ясные, положительные законы; водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства; возвысить нравственное образование духовенства; подкрепить дворянство, упавшее и

совершенно разоренное займами в кредитных учреждениях; воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами; направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию; улучшить положение земледельцев; уничтожить унижительную продажу людей; воскресить флот; поощрить честных людей к мореплаванию, словом, исправить немислимые беспорядки и злоупотребления».

Первоначальная деятельность царя и была направлена как раз на устранение отмеченных изъянов, а также на кропотливую работу осуществления «постепенных усовершенствований» на «христианских правилах». «Я отличал и всегда отличать буду, – признавался он французскому посланнику де Сан При, – тех, кто хочет справедливых требований и желает, чтобы они исходили от законной власти, от тех, кто сам бы хотел предпринять их и Бог знает какими средствами». С целью эволюционного, а не революционного развития государства и общества и выработки неотложных преобразовательных мер он произвел своеобразный кадровый отбор, отсеяв так называемых реакционеров конца предшествующего правления (А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич и т. д.) и приблизив к себе двух самых видных инициаторов и проводников либеральных начинаний Александра I (М. М. Сперанский и В. П. Кочубей). Сперанский и Кочубей уже давно отошли от прежних конституционных взглядов и, так сказать, покаялись в грехах молодости. Первый возглавил успешную работу II отделения собственной Его Величества канцелярии по созданию первого полного свода законов по всем отраслям права и управления, изданного в 1833 г. Второй же стал председателем образованного в декабре 1826 г. Особого комитета, в котором должны были рассматриваться проектировавшиеся ранее реформы и необходимые изменения в устройстве государственных учреждений и положении отдельных сословий.

Вместе с тем Николай I стремился преодолеть непоследовательность политики и неопределенность задач предшествующего царствования, покончить с неплодотворным лавированием между самодержавными началами и республиканскими тенденциями. Новый правитель не находил плодотворных результатов в идейных мечтаниях одностороннего западничества, вылившихся в декабристское восстание. В манифесте от 13 июля 1826 года по случаю коронации говорилось: «Не от дерзких мечтаний, всегда раздражительных, но свыше совершаются постепенно отечественные установления, дополняются недостатки, исправляются злоупотребления. В сем порядке постепенного усовершенствования всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех

отверстым, всегда приняты будут нами с благоволением; ибо мы не имеем, не можем иметь другого желания, как видеть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы, Провидением ему предназначенной».

По убеждению Николая I, добиться такого усовершенствования, просвещения и процветания возможно лишь при самодержавном правлении, на что его вдохновлял и в чем полностью его поддерживал Н. М. Карамзин. Именно Карамзин (и отчасти В. А. Жуковский, входивший с 1817 г. в интимный круг Николая Павловича в качестве учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны) помогал молодому властелину России полнее уяснить и отчетливее сформулировать общие монархические воззрения и политические взгляды, ежедневно являясь по собственному почину во дворец с первых же дней междуцарствия.

Односторонность и дилетантизм верхушечного и навязывавшегося «сверху» в предшествующее правление реформаторства, не только не опиравшегося на весь народ, но даже не находившего поддержки у большинства правящего сословия, подчинение основных линий развития русской истории и тысячелетней государственности чужеродной и искусственной схеме вызывали принципиальные возражения у Карамзина. В получившей широкую известность «Записке о древней и новой России», составленной еще в 1811 году, по словам Пушкина, «со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого», он критиковал «либералистов» за беспочвенность и отвлеченность предполагавшихся преобразований, за игнорирование вековых устоев и живоносных традиций, формировавших совокупную личность Народа. Подчеркивая полезность заимствований в науках и искусствах, он отмечал, что подражание иностранным державам во всем строе гражданской и нравственной жизни становится опаснее, чем при Петре I.

В передовых законах Карамзин находил множество ученых слов и книжных фраз и не обнаруживал ни одной мысли, учитывавшей своеобразие сложившегося в России общества. По его мнению, новоиспеченные законодатели испытывали излишнее уважение к внешним формам государственной деятельности, изобретали различные министерства и учреждения, что зачастую вело не к содержательному улучшению дел, а лишь к перемещению чиновников и перемене ведомственных наименований.

Между тем, настаивал автор «Записки...», законы народа должны вырастать из его собственных духовных ценностей, понятий, традиций и исторических обстоятельств, опираться на трезвое и мудрое знание человеческой природы. «В мире мало агнцев, мало и злодеев, а

больше добрых и худых вместе». И любое социальное реформаторство оказывается мнимым или даже вредным, если оно создает условия для развития и укрепления не лучших (благородно-возвышенных), а худших (корыстно-эгоистических) душевно-духовных качеств человека. Следовательно «не формы, а люди важны». Поэтому в живой действительности, где правят не бумаги, а люди, важно «искать людей» для совершенствования имеющегося строя, а не ломать и перестраивать его с помощью чужеземных уставов или денег («за деньги не делается ничего великого»), поощрять людей с разумом, честью и совестью.

С точки зрения Карамзина, подобные исторические и этические воззрения лучше всего укореняются и развиваются не в республиканских учреждениях и министерско-бюрократических установлениях, а при самодержавном правлении и сохранении живых русских традиций. «У нас – не Англия, мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом... В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит и любовь первых приобретает страхом последних... В монархе российском сохранились все власти, наше правление есть отеческое, патриархальное...»

По убеждению автора «Записки...», монархия, более всего приспособленная для эволюционных, а не революционных преобразований, всегда обеспечивала процветание и могущество государства (оно есть «палладиум России»), а ее ослабление приводило к возникновению анархии, усилению аристократии или созданию олигархии.

Карамзин особенно подчеркивал внутреннюю связь самодержавного принципа верховной власти с православной верой и нравственным духом народа. Царь как помазанник Божий и надсловная сила должен руководствоваться не юридическими законами и интересами политических партий и конкурирующих групп, а исходить из любви к добру и правде, опираться на «закон Божий» и «единую совесть», что его реально и объединяет со всем народом. Именно сила духа и веры, нравственное могущество государства, которое для его безопасного развития едва ли не важнее материального, сливали все слои общества в нераздельный союз во времена тяжелых испытаний.

Для Карамзина именно люди, обладающие не только обширными познаниями и отменными профессиональными качествами, но и – главное – соотносящиеся с религиозно-этическим началом идеального самодержавия, и составляют основное богатство страны, обуславливают потенциальную возможность ее движения не по «грязной дороге» коммерческих народов, а благородными путями духовного самостояния и истинной силы. Отмечая факты исторического воплощения самодер-

жавного принципа, он беспощадным пером обличал его многочисленные самоубийственные злоупотребления в деятельности конкретных лиц и как бы призывал властителей вместо скользких новшеств использовать несомненные нравственные резервы для совершенствования монархии, дабы предотвратить грядущие идейные блуждания или губительную бюрократизацию государства: «Да царствует благодетельно! Да приучает подданных к благу. Тогда родятся обычаи спасительные, которые лучше всех бранных форм удержат государей в пределах законной власти».

«Записка о древней и новой России» содержит в зародыше ту программу, которая в царствование Николая I будет развернута и акцентирована в триаде «православие – самодержавие – народность» и которая основана на убеждении в том, что общественно-политическая жизнь не может быть надлежащим образом устроена без опоры на религиозный фундамент. В XIX веке Россия оставалась практически единственной страной, в которой достаточно целеустремленно культивировалась устойчивая связь государства с народом в свете христианского самосознания. Причисленный ныне к лику святых митрополит Филарет, весьма представительная для эпохи Николая I фигура, в день празднования восшествия царя на престол возглашал: «В наше время многие народы мало знают отношение государства к Царству Божию, и, что особенно странно и достойно сожаления, мало сие знают народы христианские... Им не нравится старинное построение государства на основании благословения и закона Божия, они думают гораздо лучше воздвигнуть здание человеческого общества в новом вкусе, на песке народных мнений и поддерживать оное бурями бесконечных распрей. Их новые построения никогда не достраиваются, каждый день угрожают падением, часто действительно рушатся».

Характеризуя «наш век», Филарет отмечает усиленное стремление к невнятным реформам при утрате духовного измерения жизни, когда люди становятся невосприимчивыми к добру и красоте, правде и справедливости и в отсутствии опоры на высшие религиозные принципы Откровения и Истины ищут свободы не на путях подлинного совершенствования, нравственного возрастания, достоинства и чести, а на путях интриг и революций. Тогда в человеческом сердце и уме зарождаются и навязываются рассудочные вымыслы и ложные теории, маскирующие и обслуживающие в «плюралистической» борьбе и благообразной оболочке своекорыстные страсти и низменные интересы. Поэтому следует с оглядкой смотреть на все «новое», что способно расшатать в «старом» изначально плодотворные божественные устои. «Было бы осторожно как можно менее колебать, что стоит, чтобы перестрое-

ние не обратить в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразия мнений извлечь твердую истину».

Николай I как последовательный сторонник монархической формы правления намеревался строить государственную политику на основе Закона Божия, а потому отвергал всякую революцию как идею, как принцип, как метод преобразования действительности, который в своем противобожественном самозванстве и радикалистском самочинстве отторгает вместе с злоупотреблениями и достоинства атакемого строя жизни, а также не учитывает возможные отрицательные последствия чаемых новшеств. После восстания декабристов он говорил великому князю Михаилу Павловичу: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохраняется дыхание жизни, пока Божию милостью я буду императором».

Здесь вполне уместно вспомнить записку Ф. И. Тютчева «Россия и революция», составленную в связи с европейскими волнениями 1848 года и одобренную Николаем I. В ней резко ставится вопрос о судьбах России и Запада в контексте мировых тенденций и борений: «Уже с давних пор в Европе только две действительные силы, две истинные державы: Революция и Россия. Они теперь сошлись лицом к лицу, а завтра, может, схватятся. Между тою и другою не может быть ни договоров, ни сделок. Что для одной жизнь – для другой смерть. От исхода борьбы, завязавшейся между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества». Любопытно, что именно так ставился вопрос и Ф. Энгельсом (разумеется, с иными целями и противоположными задачами): «...нам ясно, что революция имеет только *одного* страшного врага – Россию».

В отличие от Энгельса, Тютчев рассматривал революцию на первичном духовном уровне как такое явление, в основе которого лежит возведенное в политическое и общественное право самовластие человеческого «я», не признающего иных авторитетов, кроме собственного волеизъявления во всех его несовершенных проявлениях и противобожественных устремлениях. Сила же России, напротив, заключается в смирении и самоотречении, призванных следовать Закону Божию и таким образом удерживать историческое развитие от разрушительных последствий.

Необходимо подчеркнуть, что в подобном историософском отношении к революционному началу и его конкретному преломлению в европейских событиях и декабристском движении и соответственно к русскому пути как к альтернативному принципу постепенных усовершенствований на христианских основах с политикой Николая I пере-

кликались идеи упомянутых выше и многих других писателей и мыслителей. В манифесте от 13 июля 1826 года также говорилось о «пагубной роскоши полупознаний», о «порыве в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец – гибель». Дворянству же предлагалось стать «примером всем другим состояниям» и предпринять «подвиг к усовершенствованию отечественного, а не чужеродного воспитания» и «истинного просвещения». О «вредных мечтаниях», имевших «самое ужасное влияние на лучший цвет предшествующего поколения», достаточно много размышлял зрелый Пушкин. После декабристского восстания он пришел к выводу, что самые прочные и плодотворные изменения зависят от постепенного улучшения и совершенствования нравов. И П. Я. Чаадаев сожалел о том, что из просвещенных стран мира «мы принесли домой лишь идеи и стремления, плодом которых было безмерное несчастье, отодвинувшее нас на полвека». Он был убежден в соответствии монархического правления подлинному просвещению и считал, что «для нас невозможен никакой прогресс иначе, как при условии полного подчинения всех верноподданных чувствам Государя».

3

Вопросы истинного просвещения, его качественного наполнения и самобытного содержания занимали едва ли не первостепенное место в умах современников николаевской эпохи (о чем весьма мало говорится в исторической и исследовательской литературе). И это неудивительно, поскольку именно образование в сочетании с соответствующим воспитанием в духе православных традиций способно показать обратную сторону тех или иных заимствованных «мечтаний» и стать естественным рычагом не революционных, а эволюционных преобразований в рамках существующей государственной системы. Неслучайно в том же манифесте родители призывались обратить все их внимание «на нравственное воспитание детей: не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мысли, источник буйных страстей...» В рескрипте Николая I от 13 сентября 1846 года повторена та же мысль применительно к более узкой, армейской, области: «Мне особенно приятно видеть, что главная цель военного воспитания обращена к развитию в юношах чистых правил нравственности и чувства чести».

Весьма показателен для характеристики Николая I выбор им на роль воспитанника будущего наследника трона поэта В. А. Жуковского, в представлении которого воспитание и образование составляли нераз-

рывное единство и который пользовался высочайшим моральным авторитетом в обществе. Как царь и Н. М. Карамзин, поэт считал монархию единственно возможной формой правления в России, в которой очень многое зависит от личности, системы взглядов, нравственных убеждений и исторических знаний самодержца, вырабатывающих у него понимание связи времен и священных задач правления. «Я хочу воспитать в моем сыне человека, прежде чем сделать из него государя», – заявлял император. «Человек во всяком сане есть главное», – как бы откликнулся на его пожелание поэт в письме к своему воспитаннику, стремясь внушить ему мысль об «уважении к человечеству», столь необходимому «во всякой жизни, особенно в жизни близ трона и на троне».

С душой на все прекрасное готовой,
 Наставленный достойным счастья быть,
 Великое с величием сносить,
 Не трепетать, встречая век суровый...
 Жить для веков в величии народном,
 Для блага ВСЕХ – СВОЕ позабывать,
 Лишь в голосе отечества свободном,
 С смирением дела свои читать!
 Вот правила детей великих внуку.
 С тобой еще начать сию науку...

Любовь царя к народу, «самоотвержение власти», неукоснительное соблюдение религиозно-нравственных устоев, способность соединить их с необходимыми преобразованиями изменяющегося времени и «отделять то, что оно уже умертвило, питать то, в чем уже таится зародыш мысли», – таковы важные начала воспитательно-образовательной программы Жуковского, находившей живой отклик в душе Николая I, что свидетельствовало и о его собственных устремлениях. Знаменателен тот факт, что для обучения своего сына, будущего инициатора «великих реформ», император привлек лучших специалистов России, отличавшихся к тому же несомненным внутренним достоинством. Так, географию и статистику преподавал К. И. Арсеньев, словесность – П. А. Плетнев, право – М. М. Сперанский. «Всякое право, – убеждал цесаревича последний, – а следовательно, и право самодержавия, потому есть право, что оно основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластие». Сам Николай I, глубоко разделяя подобные мысли и чувства, исходил в планах и действиях из представления о божественном происхождении своей верховной власти и воспринимал ее как высший долг и самоотвержен-

ное служение, для адекватного понимания которого и нужны были новые акценты в умственной деятельности общества.

О соединении интеллектуального образования, нравственного просвещения и вытекающего из такого синтеза правильного направления деятельности размышлял и Пушкин в составленной в 1826 году по просьбе Николая I записке «О народном воспитании». По его убеждению, именно активное воспитание вместе со знанием мировой и отечественной истории, «образа мыслей и чувствований», «образа правления и веры», «особенной физиономии своего народа» не позволит юношам (намек на недавнее восстание) увлекаться «чужеродным идеологизмом» и республиканскими идеями, сняв с них прелесть новизны. Подобные рассуждения поэта не были каким-то предательством по отношению к декабристам. Как признался он царю после приезда в Москву, ему пришлось бы примкнуть к бунтовщикам на Сенатской площади, случись тогда оказаться среди них. Поступить иначе ему не позволяли представления о товарищеской чести. Но теперь он полагал несбыточной надеждой устранить невежество, жестокость, неустройство жизни с помощью смены социально-политической системы. Шоры прекраснодушных мечтаний о «заре пленительного счастья» исчезали при понимании глубокого несовершенства человеческой природы, неодинаково распределяющей среди своих детей таланты, физическую силу и многие другие способности, таящей в себе темные желания и губительные страсти, которые необходимо опознать и преодолеть, а уж затем приниматься за активное переустройство жизни.

Официальная идеология соединения образования и воспитания на основе православных и национальных традиций была сформулирована в 1830-х годах одним из самых просвещенных людей николаевской эпохи, признанным знатоком классических древностей и европейской культуры, министром народного просвещения С. С. Уваровым. Он ставил целью, «при оживлении всех государственных сил, охранять их течение в границах безопасного благоустройства», намеревался «изгладить противоборство так называемого европейского образования с потребностями нашими: исцелить новейшее поколение от слепого, необдуманного пристрастия к поверхностному и иноземному, распространяя в юных умах радушное уважение к отечественному и полное убеждение, что только приноровление общего, всемирного просвещения к нашему народному быту, к нашему народному духу может принести истинные плоды всем и каждому».

В отчете о десятилетии работы своего министерства Уваров так оценивал поставленную в 1833 году задачу: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном рас-

пространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружающих нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные остатки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить».

Такими спасительными началами были провозглашены православие («Исконно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть»), самодержавие («Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия... Спасительное убеждение, что Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать в народное сознание и с ним развиваться») и народность («Вопрос о народности не имеет того единства, как предыдущие... Относительно народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях... Довольно, если мы сохраним неприкосновенным святилище наших народных понятий; если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию»).

Единство веры, государства и народа предполагало в идеале такое развитие всех сторон социальной, экономической и политической жизни, при котором разные слои общества не утрачивали бы ее духовного измерения, свободно и добровольно умеряли бы эгоистические страсти и корыстные интересы в свете совестного правосознания и устремления к общему благу, органически сохраняли бы живые формулы человеческого достоинства: «быть, а не казаться», «служить, а не прислуживаться», «честь, а не почести», «в правоте моя победа». Следует подчеркнуть, что именно свободное и добровольное движение «вперед», осознанная солидарность и активность граждан, сочетание элементов внешнего прогресса с лучшими традициями и человеческими качествами цементируют монархию как высшую форму государственного правления, которой отдавали дань и выдающиеся представители русской культуры (Пушкин, Жуковский, Гоголь, Тютчев, Достоевский и др.). В противном случае, как отмечает И. А. Ильин, монархия таит в себе опасности властного произвола, чрезмерной опеки чиновничества над народом,

погашения личностной самодеятельности и творческого почина, необходимых для преодоления вечно подстерегающего застоя и для расцвета плодотворной жизнедеятельности.

Подобных опасностей не удалось избежать и Николаю I, хотя в своих намерениях и планах он исходил из идеальных представлений о синтезе православия, самодержавия и народности и решимости укреплять Россию так же, как и высокопочтимый им Петр I. Недаром Пушкин в 1826 году надеялся, что молодой император пойдет по пути «пращура», будет «как он, неутомим и тверд». Славянским Людовиком XIV воспринимал Николая I французский мемуарист А. де Кюстин, отмечавший слова самодержца о том, что тот продолжает дело Петра Великого. «Петр Великий, – писал де Кюстин, – гораздо ближе к императору Николаю, чем его брат Александр, и потому Петр еще и теперь в большой моде».

4

На самом деле, не только в целях и задачах, но и в личности и характере Николая I проявлялось нечто, сближавшее его (при наличии и весьма существенных отличий) с великим предшественником. Стремясь поднять внутреннее благосостояние страны и упрочить ее внешнее значение, сменивший Александра I царь полностью подчинился взятым на себя обязательствам, ничем не жертвовал для удовольствия и всем ради долга. «Странная моя судьба, – признавался он в одном из писем, – мне говорят, что я – один из самых могущественных государей в мире, и надо бы сказать, что все, т. е. все, что позволительно, должно бы быть для меня возможным, что я, стало быть, мог бы по усмотрению быть там, где и делать то, что мне хочется. На деле, однако, именно для меня справедливо обратное. А если меня спросят о причине этой аномалии, есть только один ответ: долг! Да, это не пустое слово для того, кто с юности приучен понимать его так, как я. Это слово имеет священный смысл, перед которым отступает всякое личное побуждение, все должно умолкнуть перед этим одним чувством и уступать ему, пока не исчезнешь в могиле. Таков мой лозунг. Он жесткий, признаюсь, мне под ним мучительнее, чем могу выразить, но я создан, чтобы мучиться».

Многие современники отмечали и рыцарские качества Николая I, который строго придерживался кодекса чести, верности данному слову, с «крайним омерзением» относился к хитроумной фальши, закулисным интригам, подкупам оппонентов и прочим нелегальным уловкам, часто допускаемым так называемыми цивилизованными государствами. Даже явный недоброжелатель А. де Кюстин писал, что ум царя «самый практичный и ясный, какой только бывает на свете. Не думаю, чтобы сыскался сегодня второй государь, который бы так ненавидел

ложь и так редко лгал, как этот император». Император признавался этому мемуаристу, что слишком нуждается в прямом и откровенном высказывании своих мыслей и что скорее отступит до Китая, нежели согласится на продажный и мошеннический способ правления, отличавший, по его мнению, конституционные монархии.

В идеологии и политике Николая I наблюдается вполне отчётливая и последовательная устремлённость к преодолению отрицательных последствий безоглядных заимствований, восстановлению нарушенной связи времён, активизации плодотворных начал собственной истории. «Во мне поднимается волна почтения к этому человеку, – восхищался А. де Кюстин. – Всю силу своей воли он направляет на потаённую борьбу с тем, что создано гением Петра Великого; он боготворит сего великого реформатора, но возвращает к естественному состоянию нацию, которая столетия назад была сбита с истинного своего пути и призвана к рабскому подражательству... чтобы народ смог произвести всё то, на что способен, нужно не заставляя его копировать иностранцев, а развивать его национальный дух во всей его самобытности». Сам царь признавался мемуаристу, что хочет быть достойным русского народа и в невзгодах времени старается искать убежище в глубине России, забывая о западных странах.

Любовь к стране он стремился передать и цесаревичу Александру, считая, как и позднее Гоголь в «Избранных местах из переписки с друзьями», что «нужно проездиться по России». Его переписка с наследником, будущим императором «великих реформ», связанная с семимесячным (со 2 мая по 10 декабря 1837 г.) путешествием последнего по России, даёт богатый материал для понимания и этого вида образования и воспитания.

В соответствующих инструкциях и указаниях отец так определял задачи сыну: «Путешествие Наследника имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным... Я хочу, чтобы Великий Князь совершил путешествие свое с наибольшею пользою; чтобы обозревал все, достойное примечания, с надлежащей точки, чтобы видел вещи так, как они есть, а не поэтически; поэзия в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность; Великий Князь должен знать Россию так, как она есть».

Составленные царем руководства, содержавшие элементы своеобразного протокола и технической регламентации, предполагали беспристрастное и непредубежденное ознакомление со всеми сословиями, профессиональными группами и категориями населения, с дворянством и купечеством, чиновничеством и военными, больными и заключенными, ссыльными и раскольниками и т. д. Призывая девят-

надцатилетнего путешественника набираться полезных знаний и опыта для должного управления Россией и оказывать равновеликое внимание всему, он тем не менее ставит на первый план посещение храмов, монастырей и мест «особого Богомыслия», просит сына исполнять «все обряды с подобающим уважением к Святыне» и уповать на Божью милость – «на Него одного клади надежду».

И действительно, после напутственного молебна в Казанском Соборе Петербурга, цесаревич в каждом новом городе направляется в первую очередь в храм. В его своеобразных письмах-отчетах отцу часто встречаются фразы: «сразу же в собор» или «прямо в собор». Особенно запомнились ему Ипатьевский монастырь, «столь достопамятный для нашей семьи», Донской и Даниловский монастыри в Москве, «примечательные по своим историческим воспоминаниям», которые показывал митрополит Филарет, а также подземная церковь в Киево-Печерской лавре, «в которой ты слушал литургию в 1816 году».

За семь месяцев наследник престола вместе со своими спутниками (воспитателями, наставниками, преподавателями, друзьями) проделал путь в 20 тысяч верст, посетив Великий Новгород, Тверь, Ярославль, Углич, Юрьев Польский, Кострому, Вятку, Пермь, Екатеринбург, Тобольск, Курган, Оренбург, Уральск, Казань, Симбирск, Саратов, Пензу, Тамбов, Воронеж, Тулу, Калугу, Рязань, Смоленск, Брянск, Малоярославец, Бородино, Нижний Новгород, Орел, Курск, Харьков, Николаев, Одессу, Севастополь, Геленджик, Керчь, Ялту, Екатеринослав, Киев, Полтаву, Таганрог, Москву и другие города. Не только соборы и монастыри, но железоплавильные заводы и гранительные фабрики, смиренные и воспитательные дома, артиллерийские батареи и уланские полки, больницы и госпитали, богадельни и остроги, гимназии и лицеи, пожарные команды и биржи становятся предметом пристального внимания Александра Николаевича. Он вникает в самые разные дела, находя в них то «примерный порядок», то «ветхое положение» и получив за время путешествия около шестнадцати тысяч прошений, часть из которых передавалась местным властям, другие пересылались в соответствующие министерства, а наиболее важные отправлялись на высочайшее рассмотрение. В нескольких письмах сын просил о «прощении некоторых несчастных» декабристов, которых он встретил в Ялutorовске и Кунгуре, и отец ответил благосклонным решением о смягчении их участи. «Никто не побуждал его к состраданию, – писал В. А. Жуковский о наследнике его матери, императрице Александре Федоровне, – он сам с прелестной сыновней свободой и доверенностью высказал все Государю... Боже мой! Какими глазами будет смотреть Россия на этого милого сына царского! Какое восхищение произведет

на всех этот новый союз милосердия между отцом, умевшим в свое время быть правосудно-строгим и грозным, и сыном, которого юношеский умоляющий голос так легко претворил строгость в помилование! Сколько ран будет исцелено и сколько слез и молитв благодарных прольется пред Богом за отца и сына. Вчера, въезжая в Симбирск и видя толпу народа, которая с криком бежала за коляскою наследника, я не мог не заплакать и про себя повторял: беги за ним Россия, он стоит любви твоей».

Сопровождавший цесаревича Жуковский назвал его путешествие «венчанием с Россией», с которой будущий император Александр II сблизился не только, так сказать, географически, но и исторически. В одном из писем он признается отцу в невыразимых чувствах, возникающих в его душе при виде Бородинского поля, где «столько пролито крови, с одной стороны, за спасение Царя и Отечества, и с другой – по милости одного ненасытного честолюбца». Особое его внимание привлекает и другое поле, где в свое время развернулась Полтавская битва, – «никогда сердце русское не может хладнокровно смотреть, вспомнив, что на сем месте решилась судьба нашего Отечества. Великий Петр положил этим основание великой России, которая благодаря ему сделалась тем, что она теперь есть». При входе же в Успенский собор Кремля история в сознании цесаревича соединяется с будущим, традиция – с ответственностью за собственное предназначение: «в этом священном месте» ему «придется дать обет пред Богом блюсти ему за Россию!»

Николай I мог считать выполненной поставленную перед наследником главную задачу, которую он одновременно вопросительно и призывно раскрывал перед ним через три недели после начала путешествия: «Не чувствуешь ли ты в себе новую силу подвизаться на то дело, на которое Бог тебя предназначил? Не любишь ли отныне еще сильнее нашу славную, добрую Родину, нашу матушку Россию. Люби ее нежно; люби ее с гордостью, что ей принадлежит и Родиной называть смеешь». Но уже спустя два месяца сын отвечал отцу вполне утвердительно: «Я ежедневно вижу и чувствую более и более всю важность путешествия, из которого я постараюсь извлечь всю возможную пользу, чтобы быть впоследствии полезным нашей матушке России и тебе, милый, бесценный Папа, нашему обожаемому Государю... видя землю Русскую теперь изблизи, более и более привязываюсь к ней, считаю себя счастливым, что Богом предназначен всю жизнь ей посвятить».

Царь с большим удовлетворением и эмоциональной приподнятостью встречал подобные мысли и чувства, о чем свидетельствуют его ответные послания наследнику. В этих письмах проявляется также хорошее знание конкретных реалий в разных сферах российской жизни,

ясное понимание нехватки «благо-мысленных исполнителей» (сравниваемых, как и цесаревичем, с персонажами из «Ревизора»), увлеченность военными смотрами и маневрами. Характерны также даваемые сыну советы, в которых обнаруживается присущее отцу стремление соблюдать строгую справедливость, осторожность в оценках, судить о людях по имеющимся добродетелям, действительным достижениям, заслуженному уважению, а не по заинтересованному и корыстному чиновничеству.

Будет уместным сравнить печатаемую в приложении к письмам инструкцию с той, что на следующий год была вручена цесаревичу уже для заграничного путешествия. «Прошлый 1837-й год ознаменован для тебя важным событием, любезный Саша, – писал Николай I. – Ты ознакомился с Россиею, и Бог благословил твое путешествие, которое произвело везде наилучшее впечатление. Тебя увидели и провожали как свою дорогую Надежду – да будет так!

Ныне настало время другого, не менее важного дела. Ты покажешься в свет чужеземный с тою же отчасти целию, то есть узнать и запастись впечатлениями, но уже богатым знакомством с родимой стороной, и видимое будешь беспрестанно сравнивать без всякого предубеждения. Многое тебя прельстит, но при ближайшем рассмотрении ты убедишься, что не все заслуживает подражания, и что многое, достойное уважения там, где есть, к нам приложено быть не может; мы должны всегда сохранить нашу национальность, наш отпечаток, и горе нам, ежели от него отстанем; в нем наша сила, наше спасение, наша неподражаемость! – Но чувство это не должно отнюдь тебя сделать равнодушным или еще менее пренебрегающим к тому, что в каждом Государстве или краю любопытно или отличительно. Напротив, вникая, знакомясь и потом сравнивая, ты много увидишь и узнаешь полезного и часто драгоценного тебе в запас для возможного подражания.

Всегда ты должен помнить, что на тебя не только с любопытством, но даже с завистью будут глядеть. Скромность, приветливость без притворства и откровенность в твоём обращении всех к тебе хотя и нехотя расположат. Будь везде почтителен к Государям и их семействам, не оказывая малейшего различия в учтивости к тем, которые, к несчастию, не пользуются добрым мнением; ты им не судья, но посетитель, обязанный учтивостию к хозяевам. – Оказывай всегда полное уважение к церковным обрядам и, посещая церкви, всегда крестись и исполняй, что по их обрядам в обычае. – Быв со всеми приветлив, будь особенно ласков с военными, оказывай всегда войскам должное уважение предпочтительно перед прочими. – Не позволяй себе никаких политических сужде-

ний, избегай сих разговоров и вообще слушай. Рассуждай про себя и только в необходимости отвечай, и тогда всегда по совести.

Требую от тебя, чтоб ты всегда советовался с К < нязем > Ливеном и Александром Александровичем во всех случаях, где они сочтут нужным для тебя предупредить, и уважай их мнение. С нашими посланниками будь почтителен и не пренебрегай их советами. Где Русских встречать будешь, обходись, как дома делаешь. Неимущим помогай, но без нужды не расточай.

Молись усердно, чтоб Бог тебя подкрепил и наставил, и помни советы друга старого

Папа Н < иколай > Царское Село 1-го Мая 1838 г.».

Примечательно, что в новой инструкции отец как бы призывает сына оживить в сознании прошлогодний опыт и подчеркивает спасительность самобытного развития русского народа и государства. Он также предостерегает его от соблазнов и прельщений европейской цивилизации, даже достойные плоды которой не всегда годятся для отечественного употребления. И опять-таки весьма характерны советы сохранять соразмерную почтительность и осторожность, непосредственность и открытость в общении с самыми разными людьми, руководствуясь в затруднительных случаях чувством достоинства и голосом совести. «Дай Бог, - писал Николай I за пять лет до своей кончины будущему Александру I, - чтобы удалось мне сдать тебе Россию такую, какую стремился я её поставить: сильной, самостоятельной и добродающей – нам добро, – никому зло».

